

Увидеть Париж и... не умереть

«ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ»

ПОПАДАЯ в Париж из "немытой России", ощущаешь довольно сильный контраст. Все другое - цвет, запах, вкус, люди и нравы. Сначала испытываешь удивление оттого, что на правильном и роскошном французском языке говорят и шофер такси, и носильщик, подхватывающий твой чемодан у гостиницы.

В Париже неукоснительно соблюдается особый городской этикет, сравнимый, пожалуй, с ритуалом. Например, все, что связано с уборкой улиц - зеленого цвета (то есть как бы экологически чистое): поливальные машины, метелки из зеленых пластмассовых прутьев и одежда подметальщиков, тоже зеленая, хотя сами подметальщики, как правило, черные.

Есть города эклектичные (вроде Нью-Йорка). Париж абсолютно гармоничен, несмотря на то что в его облик консервативное уживается с авангардным. Символом этой гармонии могут служить хотя бы модернистские росписи потолка-плафона в классическом дворце Гарнье ("Гранд Опера"), выполненные в дерзкой современной манере Марком Шагалом. Как рассказал А. Вознесенский, этот плафон оказался по диаметру меньше, чем нужно. И тогда Шагал придумал обрести его позолоченным обручем. А так как из-за росписи этого плафона и так был страшный скандал, то, чтобы не возбуждать эстетов, Шагал заплатил за него сам.

Вспомним, как много лет назад была разругана Эйфелева башня, а сегодня Париж без этой кружевной металлической арки уже не Париж. То же самое происходит сейчас со стеклянной пирамидой, возведенной во внутреннем дворе Лувра для более быстрой транспортировки туристов - постепенно и она вживается в парижский пейзаж. Это очень сильно разгрузило Лувр. Подойти теперь к "Моне Лизе", "Венере Милосской" и "Нике Самофракийской" - тем жемчужинам Лувра - нет проблем. Или - построили не так давно на одной оси (!) с собором Парижской Богоматери культурный центр Помпиду, напоминающий скорее бетонный завод, нежели галерею (кстати, рядом там установлено табло, отсчитывающее количество секунд до конца XX века). Но... люди привыкают ко всему. И стало это место скопищем молодежи со всех стран света. Таким вот образом и складывается зримая связь времен, стилей, культур.

В отличие от нас, русских, французы - старые и молодые - в деталях помнят свою историю, помнят всех королей и героев - нить истории во Франции не прерывалась никогда, а в России один год (как, к примеру, 1917-й) способен был поставить все с ног на голову. Интересен такой штрих: до сих пор в Париже есть авеню Сталинград, и переименовывать эту улицу не собираются. Французы воспринимают "чужие" нации реалистично. И если, например, мы Францию как бы перевозим, то они воспринимают Россию такой, какова она есть. Со всей ее кровью и высокой духовностью. Кстати говоря, очень боятся французы американизации своей культуры, и там не услышишь бесконечного американского рока, как у нас.

РАЗВЕСИСТАЯ КАПУСТА?

НАЦИОНАЛЬНАЯ гордость Франции - "Опера де Пари" несколько лет назад справилась новоселье, переехав на площадь Бастилии в гигантское сооружение из бетона и стекла с тем же названием. А "Пале Гарнье" стал с тех пор цитаделью хореографии. Французы немного поубушевали, критикуя неэлегантный вид нового театра, но потом привыкли и полюбили свою "Опера Бастиль".

Парижская оперная труппа сегодня не входит в первую мировую тройку, как Вена, Милан и Нью-Йорк. Но зато отличается последовательным интернационализмом в подборе исполнителей. Начать хотя бы с того, что художественным руководителем "Опера" является дирижер Мьонг Вун Чунг, 40-летний кореец.

На удивление пестрой в национальном отношении выглядит и новая постановка некогда запрещенной Сталиным оперы "Леди Макбет Мценского уезда" ("Катерина Измайлова") Дм. Шостаковича. Катерину Львовну и Сергея (правда, на чудовищном русском) прекрасно поют американка Мэри Джейн Джонсон и канадский француз Жак Трюссель, старика Измайлова - украинец из Вены Анатолий Кочерга, мужа Катерины - итальянец Паоло Барбачини, старого каторжанина - русский Александр Анисимов. Эта смелая, порой вулгарная гипотеза французского режиссера Андре Энжела, судя по всему, пользуется бешеным успехом у публики, и перед спектаклем театр осаждают многочисленной экзальтированной толпой. Попасть сюда практически невозможно, но для прессы есть специальное окошко, где можно купить бронь за 100 франков (20 долларов). На сцене - бес-

крайнее поле резиновой зеленой капусты, автоматы Калашникова, расное знамя над амбарами семьи Измайловых, озеро из жидкого азота, секс якобы по-русски - с помощью таких парадоксальных, но сочных деталей режиссер создает атмосферу глухой русской провинции. А почему бы и нет? Ведь в конце-то концов важно, что дух оперы Шостаковича, страсти, кипящие в ней, переданы с абсолютной достоверностью.

ТРИДЦАТЬ ДВА ФУЭТЕ

НА БАЛЕТ в Париже попасть тоже нелегко, но несколько дешевле, чем в оперу. Французские танцовщики по технике и выразительности давно уже обошли русских - так что русский балет теперь вряд ли "впереди планеты всей". Пост руководителя балетной труппы от Рудольфа Нурьева унаследовал Патрик Дюпон (мы видели его танец на гастролях в Москве), а сама труппа представляет собой парад супервиртуозов. Этим артистам одинаково подвластны и классика, и модерн-стиль. Незабываема картина, когда шестнадцать балерин одновременно абсолютно чисто крутят столь любимые балетоманами тридцать два фуэте ("Этюды" на музыку К. Черни).

С МАРИНОЙ НЕЕЛОВОЙ

ЗВЕЗДА нашего экрана и сцены, актриса театра "Современник" Марина Неелова стала парижанкой и переживает сейчас интересный момент своей судьбы. Марина вышла замуж, но дилемма - семья или театр, к счастью, обошла ее стороной. Найдено разумный компромисс и в творческом плане, и в плане географического обитания. Одним словом, большую часть жизни Неелова проводит сейчас в самолете. Супруг Нееловой - Кирилл Геворкян - юрист, из семьи потешивших журналистов, наш дипломат, прекрасно знает архитектуру, живопись и недавно участвовал в шумном разбирательстве из-за коллекции Щукина. Вместе с семилетней дочкой Марины молодожены живут в одном из центральных районов Парижа в небольшой квартире. Париж благотворно влияет на нашу любимую актрису, в чем мы имели удовольствие убедиться, проводя вместе с Мариной и ее мужем целый вечер, когда они показывали нам ночной Париж. Она стала более раскованной, естественной, даже восторженной, лучше любовию и счастьем, и все тут. Ей нравится быть в Париже, нравится возвращаться и играть свои любимые роли в "Современнике" у Галины Волчек.

ПАРИЖ И МОДА

ЕСЛИ вы собираетесь в Париж, обязательно берите с собой самые лучшие свои прикиды - хорошие шмотки там вы купите, вряд ли сможете (если, конечно, не сверхбогаты). Почему? Ну, во-первых, все, что вам может приглянуться в том же знаменитом и огромном магазине "Галери Лафайет", будет заканчиваться нашим 46-м размером (французы - мелкокостные). Во-вторых, полки даже самых изысканных магазинов и фирм все еще полнятся от вещей из всяческой химии: нейлон, полистер, ацетат... Не хотите ли полистеровый пиджачок от Версаче за пять тысяч франков? То-то. В-третьих, оставляет желать лучшего обслуживание, даже в дорогих магазинах раздражает навязывание заведомо плохого товара. Качественно одеться можно в очень дорогих салонах типа "Шанель", где шьют индивидуально и с гарантией, но цены там кусаются. А то, что нам показывают по телевизору во время бесконечных демонстраций парижской моды, вы никогда не увидите на парижанках и даже на премьере в "Гранд Опера". Высокая мода Франции суперэлитарна.

Конъюнктура сегодняшнего дня в Париже такова: не носят ничего цветастого, блестящего, яркого. Любят надевать одно на другое. Молодежная униформа, как и всюду, - джинсы, куртки. Часто можно увидеть и весьма поношенную одежду. Самый модный материал - лен, но это дорого. Единственный стиль у горожан практически отсутствует. А вообще средний парижанин не унижит себя бегом за тряпками - он тратит свои деньги, сидя в бесчисленных кафе с друзьями.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

КОГДА-ТО родилось присловие: "Увидеть Париж - и умереть". Еще недавно Париж был скрыт от нас за семью печатями. Сейчас - по-другому. Париж по-прежнему остается центром во многих отношениях, но необходимость умирать, увидя его, как-то сама собой отпала. Сегодня тут и там во Франции слышится русский говор, а у нас - французский. И, наверное, теперь уже французы с полным правом могут пересказать нашу поговорку и сказать так: "Увидеть Москву - и умереть..." Ведь жить в Москве опаснее.

В. С.

